

**СТАТУС ВДОВЫ ПРАВИТЕЛЯ  
В ПРИДВОРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ  
ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ  
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ  
ГЕНДЕРНОЙ МЕДИЕВИСТИКИ)**

**Ключевые слова:** статус вдовы правителя, современная гендерная медиэвистика, социальные роли и пространство деятельности

**Аннотация:** В статье анализируется комплекс исследований придворной культуры, осуществленных в немецкой и французской гендерной медиэвистике. В фокусе внимания — реконструкции учеными гендерного статуса представительниц правящей элиты и, в частности, фигуры вдовы правителя: способов репрезентации, социальных ролей и пространства деятельности.

В ходе изучения гендерной истории западноевропейского Средневековья и начального периода раннего Нового времени (X–XVI вв.) объектом внимания зарубежных исследователей весьма часто становится материал, относящийся к жизни правящей элиты. Активный интерес ученых вызывают сюжеты, связанные с открывавшимися в силу сословной специфики данной страты социальными возможностями женщин–правительниц. Один из популярных сюжетов в этой связи — вдовство представительниц высшей аристократии. Историки обращаются к способам придворной репрезентации вдов центральных и региональных правителей, их соци-

альным ролям и пространству деятельности. Историографический анализ накопленных гендерными медиевистами в рамках двух национальных школ — Германии и Франции — материалов позволяет выявить присущие данной исследовательской области тенденции, спектр изучаемых тем, концептуальные подходы ученых.

Обращаясь к институту династии в его связи с практикой властвования в Германии раннего Нового времени, немецкая исследовательница Х. Вундер среди относительно мало изученных аспектов данной сферы называет фигуру овдовевшей супруги или матери правителя<sup>1</sup>. Один из сюжетов, которые рассматривает Вундер — неустойчивость материального положения княгинь в период вдовства. Она касается практики защиты будущих вдов от экономических рисков посредством особых статей брачного контракта, специально оговаривавших вдовью долю. В то же время историк подчеркивает, что реализация данных условий брачного контракта зависела от состояния страны после смерти правящего князя и отношения наследного принца к матери. Как было показано, княгини постоянно помнили о данной проблеме, на протяжении всего брака предпринимая действия для обеспечения собственной безопасности на случай более ранней смерти супруга. Также Вундер ссылается на получивший распространение в этой среде специфический жанр — книги утешения для вдов, возникший вследствие неопределенности судьбы представительниц данной социальной группы<sup>2</sup>.

---

1 **Wunder.** 2002: 16. Относительно интересующего нас периода автор обращается, в частности, к фигуре Елизаветы Брауншвейгской (1510–1558). См.: **Wunder.** 2002: 11, 24–25.

2 **Wunder.** 2002: 24–25.

Второй сюжет, затрагиваемый Х. Вундер — практика материнской опеки в отношении несовершеннолетних правителей, причину распространения которой она видит в повторных браках князей. Как отмечает исследовательница, овдовевшие князья зачастую стремились к бракам с более молодыми женщинами, чтобы иметь возможность передать им при необходимости заботу о своих малолетних наследниках. В психологическом плане данная практика приводила к тому, что отцовские наставления и поучения сыновьям — наследным принцам после смерти родителя становились задачей матерей. В свою очередь, по мнению Вундер, право княгини делать «материнские строгие выговоры» являлось красноречивым подтверждением признания ее принадлежности к династии супруга и сына<sup>3</sup>.

Исследовательница также считает, что, вопреки своей нередко неустойчивой позиции, княжеские вдовы играли значительную роль в социокультурной консолидации династий. В частности, она показывает, что не только сам князь или княжеская пара, но и, после смерти князя, его вдова выполняла задачу репрезентации правящего дома (включая оформление резиденций, покровительство наукам и искусствам и пр.).

С самой стилизованной фигурой вдовы, которой старались соответствовать вдовствующие княгини, по мнению Вундер, связывалась коммуникативная и культурная память: в ней символически воплощалось прошлое и настоящее династии, а также ее континуитет. К характерным династическим задачам вдовствующих княгинь рассматриваемого периода относилась и такая культурная функция, как забота о памяти (*memoria*) — составлении похоронных книг об

---

3 Wunder. 2002: 25.

умершем супруге. Эти книги также служили не только поминовению мертвых, но и сплочению династии в настоящем и в перспективе будущего<sup>4</sup>.

Й. Рогге во вступительной статье к сборнику «Княгиня и князь. Семейные связи и пространство возможностей высокогородных женщин в Средневековье», обращаясь к положению немецких княгинь в рамках княжеской семьи, в числе прочих вопросов затрагивает их действия в политической сфере в случае выполнения во вдовстве роли опекунов или самостоятельных регентш<sup>5</sup>.

Рогге выделяет неписанные правила женского регентства в период высокого Средневековья, обязанности вдовы умершего князя по отношению к малолетнему сыну, ее связь с династией мужа. По мнению ученого, в отличие от последующих столетий, в XII–XIII вв. женщины–регентши еще не имели конкурентов в лице мужчин; они хранили воспоминания об умершем князе, воспитывали своих сыновей, правила, демонстрируя такие качества, как решительность и благоразумие<sup>6</sup>.

К XV в. на первое место вышла функция опеки, поскольку регентами стали назначаться не только вдовы, как это было в XII столетии. Теперь в данной области, как правило, доминировал мужской регентский совет, определявший свободу действий опекавших своих сыновей княгинь. Соответственно, регентствующие княгини чаще всего получали ограниченные возможности в управлении государством. Хотя, как их предшественницы в XII и XIII вв., регентши продолжали исполнять важные задачи в судебной области,

---

4 Wunder. 2002: 25–26.

5 Rogge. 2004: 10.

6 Rogge. 2004: 12.

управлении ленами и заключении альянсов; однако пространство их действий и сфера влияния зависели от связи с мужской родней.

Й. Рогге подчеркивает, что главная цель регентской деятельности княгинь всегда состояла в сохранении господства правящей семьи. Один из примеров, к которому обращается ученый — вдова умершего в 1439 г. Альбрехта II Габсбурга Елизавета Люксембургская, чей сын был коронован венгерской короной в возрасте нескольких недель; и Елизавета отказалась от повторного брака, следуя, как многие другие регентши, семейным интересам и стремлением сохранить власть для сына<sup>7</sup>.

Опираясь на комплекс включенных в сборник исследований, Рогге прослеживает ряд изменений во времени. Так, он обнаруживает влияние кризиса XIV в., с вызванными им сокращением численности населения и массовыми переселениями вследствие чумы, на властные практики в княжеской среде Германии; формирование новых теорий относительно взаимоотношений правящей пары и предписываемых княгине и князю ролей в середине XV в.<sup>8</sup>

В то же время, Й. Рогге считает, что с XII по XV в. возможности вдовствующих княгинь в сфере политической деятельности ухудшились не столь существенно, как это произошло в отношении немецких королей. Региональные правительницы продолжали самостоятельно управлять своим вдовьим имуществом; оставались частью династической сети, основной целью которой было сохранение или расширение власти той или иной правящей семьи<sup>9</sup>.

---

7 Rogge. 2004: 13.

8 Rogge. 2004: 18.

9 Rogge. 2004: 17.

В рамках того же сборника другая немецкая ученая, Б. Эльперс, в статье о феномене материнского регентства обращается к фигурам княжеских вдов на примере герцогинь и графинь XII–XIII вв., в том числе знаменитой Елизаветы Тюрингской. Как показала исследовательница, если в раннее Средневековье феномен регентства в малолетство наследника можно обнаружить только на уровне немецкого королевства, то с XI столетия, по мере развития наследования крупных ленов, эта практика также распространилась на малолетних герцогов и графов.

По мнению Эльперс, именно благодаря вдовам-княгиням обеспечивался континуитет правящего дома и продолжение властной традиции, что оценивается исследовательницей как весьма значительная задача. Так, торжественная репрезентация власти осуществлялась матерью и сыном; с XIII в. матерью, сыном и опекунами-мужчинами.

На основе анализа практики, связанной с положением и деятельностью княгинь в различных районах Империи, историк выделяет общие наиболее важные условия и основные задачи материнского регентства в классическое Средневековье: поддерживать стиль господства правящей династии, воспитывать сына, заботиться о памяти умерших.

Эльперс отмечает, что изображения княгинь в исторических текстах оказываются типологизированными и указывают не на персональные, индивидуальные действия, а представляют их как наиндивидуальный тип, связанный с выполнением предписанных функций. Действительно, княгиня в процессе исполнения обязанностей регентши была связана договорными обязательствами, исходя из которых, она и осуществляла власть. Историк считает характерным, что смерть супруга, которая в источниках обозначалась как исходный пункт регентства княгини, не отмечалась измене-

нием титулатуры, как и передача господства сыну в связи с достижением им совершеннолетия.

В то же время реальность выглядит не столь однозначно. Один из примеров, описанных Б. Эльперс, касается маркграфини Штирии Софии Вельф, которая после смерти супруга (1129 г.) ради получения лена ее сыном отправилась с несколькими сотнями рыцарей к королю, по пути оказав помощь брату в осаде замка. София выполняла такие обязательства своего умершего мужа, как служба в армии и обеспечение мира — области деятельности, которые традиционно не связываются с женщинами-правительницами<sup>10</sup>.

Примером противоположного плана может служить поведение Елизаветы Тюрингской, чьи действия в качестве благородной матери и овдовевшей княгини не соответствовали ожиданиям ее времени. Эльперс подчеркивает степень необычности поведения, нарушения норм поведения женщины из среды высшего дворянства, уклонившейся от выполнения обязанностей материнского регентства (и, как известно, сыгравшей выдающуюся роль в области религии)<sup>11</sup>.

К. Вальш в статье, посвященной придворной репрезентации и политической деятельности княгинь в начале раннего Нового времени, пишет о нормативах поведения княжеской вдовы, которые включали (часто независимо от территориальных и языковых границ) ее обязанность как жены правящего князя после смерти супруга заботиться о государственных делах их общего несовершеннолетнего сына<sup>12</sup>.

Исследовательница также обращается к фигуре наместницы Нидерландов Марии Австрийской (1505–1558), кото-

---

10 Elpers. 2004: 162–163.

11 Elpers. 2004: 166.

12 Walsh. 2004: 265.

рая, по ее мнению, выступает как необычная личность: прежде всего из-за осознанного решения, рано овдовев, вопреки многочисленным предложениям не вступать в новый брак. Остаток жизни, более трех десятилетий, Мария носила строгие вдовьи одежды. Испытывая симпатии к учению Лютера, после смерти мужа она посвятила себя ему; приняла участие в «мире дам»<sup>13</sup>. С выводом о связи особого положения женщин-штатгальтеров XVI в. из рода Габсбургов с их исключительной для женщин политической позицией, и их статуса вдов, согласен и Й. Рогге<sup>14</sup>.

Обсуждается статус вдовы правителя и во французской историографии. А.-М. Пелетье в разделе «Средневековые женщины» монографии «Христианство и женщины. Восемь веков истории» обращается к фигуре вдовы правителя на примере супруги немецкого короля Генриха I (ум. 936 г.) Матильды Вестфальской. Как показывает исследовательница, Матильда, согласно ее жизнеописаниям, после смерти Генриха для его христианского спасения посвятила остаток своей жизни Богу. В рамках теологической интерпретации жизнь высокородной вдовы, с одной стороны, отражает любовь к Христу и церкви, с другой — супружескую любовь и верность умершему мужу<sup>15</sup>.

Ф. Козандей в разделе «Обязанности вдовы короля» монографии «Королева Франции. Символы и власть. XV–XVIII века» отмечает роль для последующих поколений традиций, введенных двумя вдовствующими королевами — матерью Людовика Святого (1226–1270) Бланкой Кастильской и вдо-

---

13 Walsh. 2004: 276.

14 Rogge. 2004: 17.

15 Pelletier. 2001: 96.



вой Филиппа Валуа (1328–1350) Бланкой Наваррской<sup>16</sup>, и связывая эти традиции с наименованием находящейся в трауре правительницы «белой королевой» (по мнению ученой, не случайно вплоть до Анны Бретонской королевские вдовы носили белое; а эта правительница, введя в практику черное облачение, сохранила тем не менее белую вуаль). Козандей описывает не только необходимость для овдовевшей королевы блюсти достаточно строгий сорокадневный траур, но и ее важную роль в организации похорон умершего супруга, а также вменяемую ей обязанность в дальнейшем заниматься образованием юного принца и осуществлять регентство<sup>17</sup>.

В разделе «Водворение женщин в регентстве» историк пишет о трансформации данной практики с XV в., что, по его мнению, является следствием активных законодательных усилий XIV–XV веков. Несмотря на наличие женщин–регентш при малолетних правителях уже в классическое Средневековье, в данной области наступил новый этап в связи с выработкой французскими юристами запрета на осуществление женщинами прямой власти. Мнение, что только родная мать в силу самой ее материнской природы может сохранить трон для несовершеннолетнего правителя, с точки зрения исследовательницы, было связано с формированием юридических препонов для захвата ею престола<sup>18</sup>.

Аналогичные тезисы высказаны и в статье Ф. Козандей «Материнское могущество и политическая власть. Регентство королевы–матери», где также показано, что практика материнского регентства с его достаточно широкими пол-

---

16 Cosandey. 2000: 233.

17 Cosandey. 2000: 234.

18 Cosandey. 2000: 296.

номочиями является последствием исключения женщин из числа возможных наследников престола<sup>19</sup>. Исследовательница отмечает, что в руках королевы-матери находилась опека и образование малолетнего правителя. Она вводит метафору власти матерей, на первый план среди функций французской королевы выводя материнскую. В частности, было показано, что репрезентирующая власть королевская пара во Франции — это не столько супруги, сколько вдовствующая королева и ее сын<sup>20</sup>.

М. Лазар в разделе «Женщины и власть» монографии о женщинах эпохи Ренессанса также акцентирует роль высококородной вдовы как матери несовершеннолетнего правителя; на первый план выходит не супружеская, а материнская природа. Однако, если для Козандей осуществляемое во вдовстве материнское регентство — вершина политической карьеры французской королевы<sup>21</sup>, то, по мнению Лазар, исправляющая регентство королева-мать — всего лишь своего рода «депозитарий» властных прав малолетнего наследника.

Как пишет М. Лазар, супруга здравствующего французского короля не играла значимой политической роли. Только во вдовстве, становясь регентшей и выступая от имени малолетнего правителя, французская королева получала реальную власть. Как мать короля, вдова превращалась в символ матери государства. Эпоха Ренессанса оценивается исследовательницей как золотой век женского регентства; по ее мнению, почти все вдовы становились ими не только во Франции, но и в Европе в целом<sup>22</sup>. Во время малолетства короля через короле-

---

19 Cosandey. 2005: 2.

20 Cosandey. 2005: 4–7.

21 Cosandey. 2005: 7.

22 Lazard. 2001: 373–374.

ву–мать осуществлялась его связь отцом — предшествовавшим правителем. Умирая, король как бы депонировал своей супруге корону. Само слово «вдова» в отношении королевы–матери исследовательница не акцентирует, упоминая его лишь вскользь; в то же время, отмечая, что вдова правителя, не имеющая сыновей, должна была покинуть страну, забрав с собой, в случае наличия, своих дочерей<sup>23</sup>.

С. Кассань–Бруке, Кр. Клапиш–Зубер и С. Стейнберг в статье «По пути Джоан Келли. Власть, любовь и куртуазия (XII–XVI вв.)», опираясь на общеевропейский материал, также отмечают, что в случае допущения к политической власти женщин обозначенной эпохи речь всегда идет если не о наследницах, то о вдовах. Королевам–супругам делегировалась власть, чтобы обеспечить передачу политических полномочий их сыновьям, причем практика женского регентства на протяжении рассматриваемого периода расширялась. Действуя в интересах своих несовершеннолетних детей, регентши осуществляли власть в Европе в эпоху Ренессанса, в том числе, и вопреки запрету на прямое наследование и получение престола.

Вдовы, не ставшие регентшами, заботились об имуществе детей, исполняя обязанности опеки, практика которой также имела тенденцию к развитию. С земельными владениями правительницы приобретали власть над людьми, сеньориальные права, судебные полномочия, военные задачи<sup>24</sup>. Исследовательницы показывают, что юридические решения в пользу переживших супругов вдов принимались во многих европейских регионах с конца XV в. — с целью сохранения преемственности правящих семей и предохранения

---

23 Lazard. 2001: 344.

24 Cassagnes-Brouquet, Klapisch-Zuber, Steinberg. 2010: 40.

власти от захвата извне. Нередко именно вдовы оказывались в состоянии осуществлять реальное господство, что заметно, в частности, в их манере правления. Некоторые из них активно вмешивались в общественную деятельность, экономическую сферу и даже в военные конфликты<sup>25</sup>.

Подведем итог. Как видно из представленного комплекса публикаций, в рамках изучения вызывающей достаточно активный исследовательский интерес фигуры вдовы правителя немецкими и французскими учеными-медиевистами привлекаются различного рода источники — брачные контракты, книги утешения для вдов, жизнеописания, похоронные книги. На их основании исследователи рассматривают довольно широкий круг тем.

Изучается повседневная жизнь вдовствующих правительниц — их одежда и внешний вид, материальное обеспечение на период вдовства. Ученые выделяют такие социальные роли вдовы из среды высшей знати как хранительница культурной памяти об умершем супруге и вместе с тем преемственности, континуитета династии; опекунша и воспитательница малолетнего сына-правителя; регентша при нем на период несовершеннолетия. Как показывают исследователи, вдовы нередко репрезентировались в качестве символа правящего дома, самостоятельно или совместно с сыном-правителем.

Несмотря на предписываемые вдовам правителей традицией и окружением надындивидуальные обязанности и функции, историки нередко обнаруживают среди представительниц этой гендерной группы индивидуализированное поведение, усиливаемое спецификой социальной страты и социальной позиции. Как было показано, формы этой инди-

---

25 Cassagnes-Brouquet, Klapisch-Zuber, Steinberg. 2010: 42.

видуальной самостоятельности оказывается достаточно разнообразными: монашеское служение вдовствующей немецкой королевы X в. и политическая деятельность наместниц императорского дома XVI столетия; нетипичная в гендерном плане военная активность или, напротив, отказ от предписываемой практики регентства графинями XII–XIII вв.

Благодаря развернутому научному обсуждению обозначенной проблемы историкам удастся реконструировать пространство деятельности отдельных женщин — вдовствующих правительниц и некоторые общие особенности гендерного статуса представительниц данной социальной группы на различных этапах средних веков и начала перехода к раннему Новому времени; обозначить общеевропейские тенденции — и специфику Германии, Франции и их отдельных регионов.

В свою очередь обобщение результатов, проводимых в рамках двух национальных школ исследований, позволяет подступиться к вопросу об оценке общей специфики гендерной медиевистики как специализированного научного направления.

---

## Список литературы

**Cassagnes–Brouquet, Klapisch–Zuber, Steinberg. 2010** – Cassagnes–Brouquet S., Klapisch–Zuber Ch., Steinberg S. Sur les traces de Joan Kelly. Pouvoir, amour et courtoisie (XIIe–XVIe siècles). // *Clio. Histoire, femmes et sociétés*. 32. 2010. Relectures. P. 17–52. URL: <http://clio.revues.org/9804> (дата обращения: 08.07.2019).

**Cosandey. 2000** — Cosandey F. La reine de France. Symbole et pouvoir, XVe–XVIIIe siècle. Paris, 2000.

**Cosandey. 2005** — Cosandey F. Puissance maternelle et pouvoir politique. La regence des reines meres. // *Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 21. 2005. Maternités. P. 1–13. URL: <http://clio.revues.org/1447> (дата обращения: 08.07.2019).

**Elpers. 2004** — Elpers B. Während sie die Markgrafschaft leitete, erzog sie ihren kleinen Sohn. Mütterliche Regentschaften als Phänomen adliger Herrschaftspraxis // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. Ostfildern, 2004. S. 153–166.

**Lazard. 2001** — Lazard M. Les avenues de Femynie. Les femmes et la Renaissance. P.: Fayard, 2001.

**Pelletier. 2001** — Pelletier A.–M. Le christianisme et les femmes. Vingt siècles d'histoire. P., 2001. P. 79–112.

**Rogge. 2004** — Rogge J. Einleitung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. Ostfildern, 2004. S. 9–18.

**Walsh. 2004** — Walsh C. Die Fürstin an der Zeitenwende zwischen Repräsentationverpflichtung und politischer Verantwortung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. Ostfildern, 2004. S. 265–279.

**Wunder. 2002** — Wunder H. Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. / Wunder H. Hrsg. H. Wunder. Berlin, 2002. S. 9–27.